

Похоронгы Криса



СЕРГЕЙ
SKOLORUSSOV

12+

Сергей Skolorussov

Похороны Криса

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Skolorussov С.

Похороны Криса / С. Skolorussov — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Для хорошего детектива маловато трупов. В книге нет ни одного гоблина, ходячего мертвеца или хоббита. Плохо, что автор обошел стороной такие насущные проблемы человечества, как: конец света, глобальное потепление, прилёт инопланетян, нападение трансформеров, воскрешение дьявола. Можно прийти к выводу, что книга скучная, несовременная и надуманная. Единственное светлое пятно в тексте - это деньги. На фоне subtilного, неуклюжего сюжета они несколько оживляют повествование. Сублимацией моего восприятия стало отсутствие рекомендаций для ее чтения детям в возрасте до 35 лет. Эксперт литературных кластеров при РАААН РФ Аркадий Мамонт-Близкий.

© Skolorussov С., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава первая	8
Тайное захоронение	8
Глава вторая	14
Попытка «намба ван»	14
Глава третья	17
Попытка «намба ту»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

От автора

Уважаемые читатели! Проявляйте внимание и бдительность! В случае обнаружения в вагоне поезда, на вокзале, в аэропорту или в другом общественном месте забытых сумок, чемоданов или ридикюлей, немедленно информируйте о находке локомотивную бригаду, МЧС, сотрудников полиции и ФСБ России. Ни в коем случае самостоятельно не трогайте обнаруженные вещи. Соблюдайте меры предосторожности. И не наступайте на грабли! Но если вышеперечисленные предметы свалились вам прямо на голову, обязательно прочитайте эту книгу. Чужой опыт – лучшее средство от собственных шишек.

Пролог

На перезахоронении присутствовали всего лишь два человека: я и моя жена. Впрочем, усопшего в нашем городе больше никто и не знал.

Варя оценила мои старания:

– Хороший памятник. Даже лучше, чем у всех остальных. Оригинальный.

– Сам сделал, – похвастался я.

– Врешь, как всегда.

– Не вру, а фантазирую. Врут ради выгоды.

– Сколько заплатил?

– Пятнадцать тысяч.

– Евро?

Я не смог скрыть ухмылку:

– Варвара, ты с годами раскрываешься с неожиданной стороны. Откуда такие фантазии?

Отдать за кусок гранита пятнадцать тысяч Евро? Это ты про меня?

– У памятника основная стоимость не в материале, а в искусстве воплощения.

– Даже с условием, что его высек сам Казимир Малевич – пятнадцать тысяч Евро – это уж слишком!

– Малевич рисовал.

– А! Так он рисовал? Черт возьми! Вот в чем подвох. Точно! Был бы скульптором – слепил бы «Черный куб».

– Все равно дорого. Даже в рублях.

– Что бы ты понимала? Это эксклюзивный белый гранит из Индии. А надпись золоченая.

– Тогда дешево, – согласилась она. – Епитимью ты сам придумал?

– Эпитафию, горе ты мое.

– Какая разница?

– Для тебя – никакой. Естественно, сам, счастье ты мое. Сам и написал. Люблю творить в удовольствие!

Эпитафия гласила: «Крис Кусаевич Грызунов. Здесь похоронен не друг, и не враг, а так. Сразу и не разберешь. Злыдень при жизни, осчастлививший нас в день своей смерти. Точная дата рождения неизвестна. Внезапная трагическая смерть наступила вечером 28 мая 2018 года. Лежи спокойно, животное! И никогда не возвращайся к нам ни в каком другом обличи!»

– И все-таки я по нему скучаю, – вздохнула жалостливо Варвара.

– По обкусанным им пальцам ты скучаешь, солнце мое. До слез скучаешь. Ну все. Успокойся. Теперь он лежит не в убогом «Парке Авиаторов» под булыжником, а в достойном для бывшего члена нашей семьи месте – на «Кладбище домашних животных».

Вокруг простирался лес маленьких могильных обелисков с именами усопших: Сэд Паркер Третий, Стюард Великолепный, Энни Альфред О'Нил и другими обычными кличками животных.

Крис – это крыса, оставленная нам в наследство после бегства сына с невесткой из Питера в Москву. Я думал, что никогда не прощу им такой подлости. Заявить, что наш любимый Питер – это «город не для жизни»! И одновременно с этим оставить на наше попечение это несуразное вонючее создание сатаны. Два года я пытался от него избавиться. За это время для меня Питер постепенно становился «городом не для жизни». Но Варя, многократно покусанная Крисом, продолжала стойчески о нем заботиться и грудью препятствовала моим поползновениям на быструю и безболезненную расправу над злобным грызуном. Кто-то скажет, что, мол, в наше время существует масса гуманных способов. К примеру, дать объявление на «Авито»: «Передам в хорошие руки». Но дело в том, что я не хотел свою проблему передавать пусть в чужие,

но «хорошие» руки. Меня могло устроить только полное освобождение мироздания от этого зубастого выродка несимпатичного мне семейства грызунов. Впрочем, Варюху не устраивал даже гуманный вариант. И это не смотря на то, что за два года нашего сосуществования с Крисом, он не стал относиться к нам лучше. Это животное не знало, что такое благодарность. Про любовь я и не заикаюсь.

Но в один замечательный теплый майский вечер, вернувшись из театра, мы обнаружили его мертвым.

– Сдох от собственной злости, – поставил я точный диагноз. – Прикусил в припадке бешенства ядовитыми зубами свой язык.

Зря я потешался. Супруга сверкнула на меня убийственной молнией и залилась слезами. Меня от дальнейших семейных неурядиц спасло только стопроцентное алиби. В тот день я ни на шаг не отлучался от юбки Варвары. А это значит, что Крис умер своей смертью.

Собственно, с этого всё и началось.

Глава первая

Тайное захоронение Ночь на двадцать девятое мая

«Вы не поверите! Но темные дела творятся даже белой ночью...»

Пивоваров В.В. Сборник собственных перлов.

Изд-во «Файерфлай». М., 1994. Т.1.С.17

Да. С этого всё и началось. Труп есть труп. Его не воскресишь. Я предложил закопать Криса в «Парке Авиаторов». Благо, что до него нам пять минут пешком.

– Нет! Не будет этого! – Варвара была непреклонна.

– И что с ним делать? Зажарим?

– Дождемся утра. А утром поедем на кладбище и похороним.

– Во-первых, я не собираюсь ночевать в одной квартире с дохлой крысой. Во-вторых, где ты видела, чтобы на кладбище были захоронения животных?

– Надо всегда оставаться человеком. Даже если ты его не любил.

– Не любил? Не преуменьшай моих чувств!

– Наверняка, в Питере есть кладбища для домашних питомцев.

– Ну, да-а-а! Хе-хе. Закажем в церкви отпевание, позовем бабушек плакальщиц, наварим куты...

– Я сказала – нет!!! В парке ему будет плохо.

– Ему там будет хорошо!!! По ночам по его могиле будут бегать его сородичи!

Мы долго спорили. Почти до хрипоты. Победила сильная мужская логика.

– Хорошо, – согласилась жена, – но я не хочу, чтобы его раскопали бродячие собаки.

– По такому торжественному случаю, я не пожалею своего гнета.

Гнёт – это тяжелый камень, которым при солении придавливают рыбу.

В полночь я положил в огромную хапужную клетчатую сумку гнет, складную лопатку и завернутый в белую пленку труп Криса.

В парке мы долго искали участок для могилы. Все достойные места были трудны для копания из-за плотного дерна. Наконец в углу парка мы нашли участочек, где не ступала нога цивилизованного человека, так как летом там часто селились бомжы. Кто здесь что делал, я так и не понял. Может, прокладывали подземный кабель. Или закапывали ночью домашнего слона. Но вместо травянистого грунта в этом месте попадались голые участки из песка. Поэтому я сумел легко и быстро вырыть могилу, если так можно назвать ямку, в которой легко поместился наш тиран. Сверху я положил гнет. Варя, всплакнув, пристроила на камне букетик одуванчиков и сурепки. Пока мы металась по парку, копали и плакали, совсем стемнело. Темноте способствовали тучи, затянувшие горизонт, за которым спряталось питерское солнце. Чтобы найти выход из гущи зарослей я стал искать в сумке фонарик.

В это время Варя тронула меня за плечо:

– Кто-то бежит.

И точно – в темноте все явственней был слышен топот приближающихся ног.

– Слышу.

– Может, запоздалый спортсмен?

– Ага. Или ранний маньяк. Подождем.

И мы замерли. Мы, естественно, никого не боимся. Просто стесняемся, что на нас будут смотреть, как на вредителей, ломающих ландшафт общественных насаждений. Не бегать же за каждым с объяснениями?

Топот приближался, и я сумел разглядеть в свете дальних фонарей силуэт бегущего. Это точно был не спортсмен. Спортсмены редко бегают в плаще и в кепке. Нас от тропы отделяли плотные кусты. В такую темень они явно скрывали человека, спрятавшегося за ними. По крайней мере, бегущий человек вряд ли мог хоть что-нибудь рассмотреть в нашем укрытии. И этот, в кепке, точно нас не видел. Я это говорю с уверенностью на все сто процентов. Пробегая мимо, а тропа здесь делала поворот под прямым углом, он кинул в нашу сторону какой-то предмет. Я почему-то подумал, что это пакет с мусором. «Вот сволочи! – моему возмущению не было предела. – Как будто в городе нет мусорных баков? Обязательно в парке свой шлак надо выбрасывать». Но только я хотел разинуть рот, как услышал топот погони. Судя по всему – бежали еще два человека. Один из них на ходу крикнул:

– Он в кусты его бросил!

– Потом вернемся! – ответил ему напарник.

И они поскакали дальше. Варвара зашептала:

– Уходим! Что сидишь? Уходим скорее!

– Подожди...

– Чего ждать? Когда вернутся и нас прикончат?

– Успокойся! – я тоже говорил шепотом. – Куда это упало?

– Давай! Ищи на свою задницу приключений!

Я на секунду включил фонарик и увидел рядом с Варей изрядно пошарпанный временем кожаный ридикюль. В это время на другом конце парка раздались выстрелы. Их звук послужил для супруги сигналом стартового пистолета. Она схватила меня за руку и ломанулась из кустов. Мы с ней бежали без передышки до светлого перекрестка.

– Подожди! Идем по алее к «Пятерочке», – потащил я ее в сторону от дома.

– С какой радости? Я иду домой! – заупрямилась моя половинка.

Пришлось остановиться, обнять ее и прошипеть на ухо:

– Дура! Сейчас начнем дергаться, привлечем к себе внимание. Домой пойдешь – проблем найдешь. В наше время легко проследить. Кругом камеры.

Она еще раз нервно дернулась. Но я удержал ее:

– Хочешь сдохнуть?

– Мы-то тут при чем?

– Не причем. Просто свидетели. Если что, они и детей не пожалеют. И наших внуков.

Упоминание внуков сразу ее успокоило.

– Теперь, как ни в чем не бывало, идем дальше в те районы, где нет никаких камер наблюдения.

Заряда спокойствия хватило супруге ровно на 10 минут. К этому времени от парка мы уже отмахали два квартала.

– Куда мы идем? Ты спятил?

– У тебя деньги есть?

– Зачем тебе деньги? Маразм победил? Или тебе пуля в голову срикошетила?

– Варя! Слушай меня. Мы с тобой одеты, как два клоуна. Это нас и спасет.

Мы пошли копать могилу ночью. Поэтому оделись соответственно. Не соответственно стилистике Хичкока, естественно, а так, чтобы нас никто не узнал. А во-вторых, чтобы не бояться испачкаться. На мне был старый плащ. Я его не ношу уже лет десять из-за того, что похудел на двадцать килограмм. А на Варе была куртка из искусственного меха, которую из-за обратной причины не стала носить ее располневшая сестра. Столь экстравагантный ансамбль завершала огромная клетчатая сумка, которую я тащил с собой. Еще по пути в парк я пошутил,

что мы похожи на кота Базилио и лису Алису в исполнении доморощенных артистов. Только вместо того чтобы откапывать денежки, мы пошли зарывать крысу.

– От чего спасет?

– От смерти, естественно.

Варя толи от испуга, толи от злости, встала, как вкопанная:

– И куда мы бежим? Давай! Объясняй!

– Дома объясню!

– Сейчас!

– Дома!

– Идиот!

Я понял, что ругань до хорошего не доведет и решил снизить накал претензий:

– Ты можешь выслушать меня спокойно? Две минуты. Всего две минуты.

Успокоить ее было невозможно. Но она хоть слушать стала.

– Ты, когда смотришь американские боевики, всегда говоришь в финале: «Сейчас эта тывка бросится обниматься. Появлет «обнимашками» главного героя по рукам и ногам. А в это время злодей, трижды убитый до этого, выберется из-под обломков, подкрадетсся сзади и вновь нападет на главного героя».

– К чему ты мне сейчас об этом?

– Слушай сюда!

– Так! Мы бежали полчаса, чтобы я выслушала эту твою дурацкую историю про американские боевики?

Если жена начинает разговор со мной с междометия «так» – это означает, что она находится на пике своего раздражения.

– Нет! Но ты меня вяжешь по рукам и ногам! А могла бы помочь.

И мы с ней опять сцепились. Спорили до хрипоты. И все же я убедил ее, что хоть один раз в жизни, но меня нужно послушать. Ворча и чертыхаясь, Варя двинулась следом за мной. Мы сделали шикарный круголя, который вполне укладывался в понятие «марафонские дистанции». Сначала взобрались на железнодорожную насыпь и прямо по шпалам перешли Московский проспект по железнодорожному мосту. Тому самому, что пересекает его в районе завода «Электросила». Далее мы спустились к Цветочной улице и по этому темному фабричному району двинулись к Лиговскому проспекту. Думаю, что полицейские отчеты зафиксировали в эту ночь спад криминальной активности. И на самом деле, попадавшиеся нам навстречу подозрительные личности в одиночку и группками перебежали на другую сторону улицы или сворачивали в подворотню. Тут не было ничего странного. Вид у нас был еще тот! Огромные старые плащи и отжившие свой век головные уборы. Я и сам, встретившись ночью с такими типами, драпанул бы на всякий случай подальше от них. Вдобавок мы шли уверенным, быстрым шагом, непрерывно громко ругаясь на ходу. Выскочив на Лиговский проспект, я решил, что домой можно вернуться на такси – деньги она с собой все же взяла на всякий случай. И только посмотрев вслед очередной проехавшей мимо нас легковушке, я понял, что нам пора поменять имидж. Мы сняли верхнюю одежду и такси тут же закрипело тормозами возле нас.

Вернувшись домой, мы сцепились еще больше.

– Так! Как ты меня уже достал! – напирала на меня супруга. – Пивоваров, ты стал старым невыносимым неадекватом!

– Тупица! Вообще ничего не соображаешь? Иногда лучше помолчать!

– Так! Я не могу уже! Ты меня бесишь! Завтра же я еду в Москву к детям! Вернее – сегодня утром!

– Истеричка!

– ДБЛ БЛД!!!

Последняя фраза – это аббревиатура известного «афоризма» нашего министра иностранных дел Лаврова, который Варвара употребляет исключительно в случае беспредельного гнева. После этих слов, мы разбежались в разные стороны. Она в спальню – я на кухню.

Чтобы успокоиться, я залпом выпил бутылку холодного пива, лег на диван и включил телевизор. На экране испуганная женщина пыталась спрятаться от маньяка в темном, забытом богом подвале. Ох, уж эти женщины! Все у них не так. Или «так» !?

Дверь хлопнула, и в замке повернулся ключ. На часах микроволновой печи значилось 5.30. Я вскочил. Мать моя женщина! Я уснул! На обеденном столе лежала записка: «Уехала в Москву на первом «Сапсане». Доеду, позвоню». Вот ведь вредная настыра! Впрочем, как поется в сказке про Айболита: «Шивандары, шивандары, Фундуклей и дукдуклей! Хорошо, что нет Варвары! Без Варвары веселей!» Нет, не веселей, конечно. Какое уж тут веселье? Я не представляю свою жизнь без нее. Но в данном случае, лучше, чтобы она была на безопасном расстоянии.

Я спокойно попил кофе с «Горгонзолой», натянул на руки новые латексные перчатки и пошел в кладовую, где вытащил с антресоли вчерашнюю клетчатую сумку. В ней лежал тот самый ридикюль. А вы думали, что я дурак, на ночь глядя, бешеным тараканом по шпалам носиться? Нет. Не дурак. Бежали, бросали, хотели вернуться и стреляли – это все не просто так. Я сразу сообразил. Там – деньги! Именно поэтому, когда супруга потянула меня из кустов, я успел ловко присоединить к нашему паническому отступлению посланный мне судьбой портфель. Почему вечером его не обнаружил? Просто не хотел расстраивать Варвару. А иначе, взвинченная и без того жена, трепала бы мне и себе нервы до самого утра. А теперь! А сейчас! А ныне! Я имею уникальную для моей семейной жизни возможность спокойно поставить старый пошарканный ридикюль на чистый обеденный стол. И не менее спокойно его открыть. И мне в этом почти магическом процессе никто не мешает. Никто не вопит, не суетится и не виснет на моих руках. Такс, такс! Интересно, а что внутри? Всю ночь я видел сны. Робин Гуд, ограбивший зажавшегося во власти олигарха, кинул в меня сумкой с двумя миллионами долларов и крикнул при этом: «Богатые пусть плачут, а бедные радуются!» В другом сновидении бухгалтер мафии, решив встать на честный жизненный путь, скинул «общаговый» балласт, мешавший ему оторваться от погони жестоких наемных убийц. Он тоже прокричал мне: «Ты много страдал! Это тебе компенсация!»

Портфель был тяжелым. Так что вполне можно было рассчитывать, что он набит деньгами под завязку. Но вдруг я его сейчас открою, а там тыква? Или того хуже: полный саквояж дохлых крыс? Или совсем жутко – живых! Боясь взглянуть, с напускным равнодушием в голове, но вспотевшими от предвкушения руками, я открыл портфель. Сверху лежал болтающийся полиэтиленовый пакет с надписями на арабском языке. Я высыпал его содержимое на стол. Фу-ты ну-ты! Моему разочарованию не было предела. В россыпи на столе я обнаружил только литературу на тюркском, русском и арабском языках: книги, распечатки и журналы. Нафига здесь все это? Нет, макулатура мне не нужна. Даже даром. Лучше бы там была тыква. Нет в жизни счастья у честных людей. А чего ты ждал? Чего-чего? Да, ждал! Даже вожделел! Это не наказуемо. Ну, что это такое? Не могли положить туда хотя бы рублей пятьсот? Идиоты! Жадины! Жадные идиоты! Впрочем, стоп! Огромный саквояж практически не убавился в объеме! Что там еще берут с собой люди, бегающие ночью по паркам? Следующий пакет был набит странной мужской одеждой: черными шароварами, длинными рубашками и головными уборами, знакомыми мне по кинохронике войны в Афганистане. Нет! Это мне не пригодится. Я никому не собирался объявлять джихад. Во рту стало горько от увиденного. Предчувствие нехорошего овладело мной по мановению волшебной палочки. С отвращением я вытащил из портфеля следующий пакет. Его содержимое тут же было вывалено на стол. Жизнь стала лучше! Жить стало веселее! Это были пачки европейской валюты номиналом по сто, двести и пятьсот евро. Я быстро на три раза все пересчитал. Итого: 240 тысяч. Трынь-дынь-дынь-дынь, трынь-

дынь-дынь! Сколько же это в рублях? По курсу один к семидесяти, выходило, что я поменялдохлую крысу на 16 миллионов восемьсот тысяч рублей. Спасибо тебе, Крис! Хорошо, что я такой упрямый и сумел уговорить Варюху на похороны в парке. А то сейчас сидел бы в Инете и искал адрес кладбища для животных. Наверняка, услуга этого учреждения, если оно есть, стоит бешеных денег. Моему восторгу не было предела. Мысленно я уже ехал на «Мазератти» по фешенебельным улицам Монте-Карло, подруливая к центральному входу в казино. Если здесь такой прикуп, то что там еще в пещерке Али-Бабы? Оказалось, что сундук уже пуст. Почти пуст. На самом дне одиноко лежал телефон. Таких старинных дешевых телефонов я не видел лет десять. Это была «Nokia», самого простого исполнения. Изрядно пострадавшая от времени. Симка «сотового мастодонта» была прикреплена к корпусу белым медицинским пластырем, на котором карандашом был написан телефонный номер. Больше в сумке ничего не было. Да, обидно...

Впрочем, двести сорок тысяч евро – не плохой куш за ночные переживания. Нет, не так! На сорок пятом году жизни мне, наконец, начало фартить! Жизнь удалась! Столько приятных событий за одну ночь: сдох крысеныш, повалили деньги! Ну, прямо грех расстраиваться, что в портфеле кроме денег всякие там книжки и чьи-то штанишки. У хозяина саквояжа не все так просто с законом. Это факт! А иначе за ним не гнались бы мужики с пистолетами. И это значит – совесть моя не должна мучиться угрызениями, что я отнял трудовые накопления у чьей-то добропорядочной семьи. На радостях я хлебнул еще пивка и даже хотел уже звонить супруге, чтобы сообщить ей о приятной находке. Но, черт возьми, что я за человек? Меня, как всегда, сразу стали одолевать мрачные нехорошие сомнения. Не все так просто. Кто был тот бегущий человек? И кто за ним гнался? Конечно, это был не Робин Гуд, не бухгалтер мафии и даже не простой грабитель банков. А иначе, зачем ему эта кипа подозрительной литературы? Да, черт с ними, с этими вопросами! Сейчас пойду и выкину саквояж с макулатурой в мусорку! Нет, в мусорку нельзя. Кто-нибудь найдет, и станет ясно, что я живу здесь. Поехать и выбросить его в другом районе города? Это мысль! Надо так и сделать. Но чем больше я твердил себе о необходимости избавиться от саквояжа, тем сильнее в меня проникала тревога: а правильно ли я делаю? Может, это спецслужбы гнались за опасным преступником. Даже, возможно, за террористом. А я выкину улики в мусорный бак. И они пропадут навсегда на свалке. И что тогда? Отнести их на Литейный проспект, дом 4, где расположена резиденция питерской ФСБ? Тогда я стану свидетелем и мне придется вернуть подаренные мне судьбой деньги. Мне не дадут даже четверти этой суммы. Черт возьми! Это ведь не клад. В лучшем случае, наградят памятной грамотой за гражданскую позицию и красными революционными шароварами с кожаным задом, чтоб в седле не протирались. Отдавать деньги мне вовсе не хотелось. Но дело это совсем не простое. Под ложечкой засосало от осознания ситуации. Пивоваров, ты вляпался в самый эпицентр событий, о сути которых до этих пор мог судить только по новостям и детективам. Всегда задумывался о том, что я являюсь свидетелем происходящих в мире событий, находясь на домашней стороне телевизионного экрана. В тапочках и с тарелкой борща перед собой. А ведь кто-то попадает в заложники! А то и того хуже – становится жертвой терактов, шальных пуль и несчастных случаев на дороге. И я, вроде как, ни при чем. Это не моя жизнь. И вот, не постучавшись, эта заэкранная сторона неприглядной жизни ворвалась ко мне в комнату. Что делать?

Надо быть осторожным и никому долгое время не говорить о находке. Даже Варе. Это опасно. Владельцы этого саквояжа или ридикюля – не простые люди. Вчера в парке они стреляли. Из-за чего стреляли? Только ли из-за денег?

Я стал перебирать содержимое первого пакета и попытался вникнуть, что там написано по-русски. Это были какие-то разъяснения к Корану, а также конспекты выступлений неизвестных мне арабских проповедников. Я не особо разбираюсь в мусульманской теологии, поэтому не смог квалифицированно определить назначение этих книг. Но судя по вечерним событиям,

они были какой-нибудь радикальной направленности. Наверное, ярые проповедники ваххабизма пытаются заманивать в свою секту новых адептов. Но сумма – не слишком ли она большая для организации проповедей? Да кто его знает, какие у них расценки? Может и не большая. Вон, Илья Пономарев за одну лекцию в «Сколково» получил в свое время двести тысяч баксов. Так он еще возмущался, мол, такая работа стоит в десять раз больше. Но я не Илья Пономарев. Я Владимир Пивоваров. И деньги эти – вовсе не за лекцию. Перед глазами калейдоскопом запрыгали картинки: взорванный скоростной экспресс, теракт в метро, война в Сирии. Блин! Я буду кататься на «Мазератти» по Лазурному берегу – а в моем городе какие-то твари будут готовить людей для совершения терактов? И тут меня осенило! Сегодня 29 мая. До начала Чемпионата мира по футболу осталось всего две недели. Не связаны ли вчерашние события с ним?

Совість вывернула меня наизнанку. И я решился. Отныне у меня две задачи: отдать содержимое саквояжа правоохранительным органам и при этом не расстаться с деньгами. Я убедил себя, что двести сорок тысяч евро как раз соответствуют плате за мою гражданскую позицию. И за риск, которому я подвергаю себя и свою семью. А галифе с кожаным задом пусть радуется тот, у кого есть лошадь. Или, к примеру, осел.

Определившись со стимулом гражданской ответственности, я испытал зуд активизации жизнедеятельности и азарт политического интригана. Надо действовать! Действовать немедленно и предельно осторожно. Черт возьми! Пусть это звучит пафосно, но я ощутил каждой клеточкой своего в меру упитанного организма, что пора совершить, может быть, главный поступок в своей жизни. Да что там – подвиг!

Глава вторая

Попытка «намба ван»

Двадцать девятое мая 2018 года. Вторник До старта Чемпионата мира по футболу – 16 дней

«В чем суть и смысл? Зачем живем? Бесцельно жить – сплошная пытка. Решился сгоряча: «Не проросту быльем!» И это моя первая попытка».

Пивоваров В.В. Сборник собственных перлов.

Изд-во «Файерфлай». М., 1994. Т.1.С.134

Итак, что делать? Может пойти в парк и подбросить саквояж на могилу Криса? Туда – где я его и подобрал, собственно. Фээсбэшники, несомненно, будут его там искать. Сказано – сделано. Я положил саквояж в рюкзак и вышел на улицу. Было уже десять часов утра. Толпы народа спешили на работу. Приблизившись к «Парку Авиаторов», я обратил внимание, что на тихой, прилегающей к нему Кузнецовской улице припаркованные машины стоят не только со стороны домов, но и со стороны зеленых насаждений. Такого здесь никогда не бывало, так как подобная парковка явно затрудняла проезд. Я даже не стал приближаться к парку и свернул в сторону. Все ясно – там уже работают спецслужбы. Не понятно, на что ты надеялся? Это же не эсто-о-онские спецслужбы. Мне светиться никак нельзя, иначе плакали мои денежки. Я зашел в ближайший магазин, купил пива и вернулся домой. Пиво я пить не стал. Чекист должен иметь горячее сердце, холодную голову и чистые руки. Сердце раскаленным камушком жгло меня изнутри. Температуру головы – я не знал, как измерить. А руки, зайдя домой, я всегда мою с мылом. Во мне вновь стал бороться пламенный гражданин с честным, но не слишком богатым обывателем. Что делать? Что делать, что делать... Будем мыслить логически. Исходное. У меня есть сумка с деньгами. Кому отдавать найденные деньги? Преступникам или государству? Это глупо. Я считал, что ни те, ни другие не заслужили такую награду. Значит, можно считать, что эти деньги мои. Логично? Логично. Единственный минус, не позволяющий мне спокойно и в оттяжку тратить найденную валюту – это экстремистская литература. Может забыть про нее? Нет. Не смогу. Пиво, купленное за эту валюту, будет жечь во мне язву. И даже французские улитки покажутся жалкими огородными слизняками. Да и как тут забудешь? Вдруг эти типчики кого-нибудь взорвут? Тогда я вообще не смогу жить. Тем более, спокойно. Знать бы, кто за ним гнался. А зачем знать? Думаю, даже если погоня не была связана с ФСБ, о перестрелке им известно. Хорошо известно. И это полностью доказано моим утренним походом в парк. Стоп! Телефон. Вот связующее звено с теми, кому были направлены деньги и литература. Может вставить симку и посмотреть номера, которые зафиксированы в нем? Нет. Во-первых, тебе они ничего не скажут, эти номера. Ты же не сотрудник органов, у которого есть доступ к базе данных всех и вся. Во-вторых, включив телефон, ты засветишься. Тебя запеленгуют и установят место нахождения твоих денег. Это даже грудным младенцам известно. По детективам и блокбастерам, непрерывно идущим по всем каналам российского телевидения. А если пойти куда-нибудь в другой район города и там посмотреть содержимое телефона? Тебя хоть где запеленгуют. Потом по видео со спутников и камер наблюдения путем отсеивания выйдут на твою физиономию. Проследят маршрут твоего следования. Придут сюда и заберут твои деньги. Почти твои. Поэтому вариант с телефоном пришлось забраковать. Но идеи ко мне всегда являются толпой. А вдруг эти деньги фальшивые? Если они фальшивые, то смысл в конспирации пропадает. Совсем пропадает. Я достал пачку и стал рассматривать

купюры. На вид, ничего особенного. Деньги, как деньги. Если менять валюту на сумму менее сорока тысяч рублей, то паспорт для такой операции не требуется. Я вытащил сотенную купюру и положил в карман. После этого включил компьютер и напечатал записку для ФСБ: «Прагуливаясь с сабакой, я нашел в Парке Авиатаров чимодан с эстрымисткой летиатурой. Готов перидать ево, но анонимно. Если вас интирисует это, то вылажите на крыльцо ФСБ на Литейном кирпичь. И тада я сразу саабщу, где вы сможете зобрать чимодан». Мне показалось прикольным специально изобразить из себя безграмотного человека. Пусть аналитики и эксперты ломают голову, определяя психологический портрет «афтора» этого произведения. Записку я печатал в латексных перчатках. Я же не дурак. Не снимая перчатку с правой руки, я доехал до Невского проспекта. Здесь без проблем мне поменяли сто евро на рубли. Это значит, что деньги настоящие. Если бы они оказались фальшивыми, то я бы сразу поехал домой, взял портфель со всем его содержимым и с чувством выполненного долга отвез бы его в ФСБ. А так как деньги оказались деньгами, а не описанными в Уголовном Кодексе произведениями фальшивомонетчиков, мне пришлось выворачиваться наизнанку, чтобы убить сразу двух зайцев. Вы понимаете, о чем я.

Что ж, придется притворять в жизнь «План намба ван». Для начала я совершил рекогносцировку. А именно, прогулялся мимо ФСБ на Литейном проспекте, который в народе обычно называют «Большим домом». Блин! Оставить там записку инкогнито, было совершенно невозможно. Перед домом не было ни одного деревца, кустика или, на худой конец, урны. Пустая открытая территория. Даже пешеходов не было. Десять лет назад я бы не заморачивался с анонимкой. Просто, поднял бы трубку в каком-нибудь таксофоне и сообщил, все что надо, бубня информацию через носовой платок. Но в наше время в Питере не осталось ни одного таксофона. Эра сотовых и интернета вычистила город от этих столь нужных в данный момент для меня средств коммуникации. Разочарованный без особой цели я добрел до Таврического сада. Там на глаза мне попался колоритный бомж, который мирно и последовательно проводил ревизию урн. Эге! А если его нанять в качестве курьера?

– Привет! – обратился я к бездомному.

– Чего изволите, милейший? – обрушил на меня мощное «амбре» своего образа жизни «генерал помоек».

– Чего бы ты хотел в столь теплый солнечный день?

– Исполнитель желаний? – мужик осклабился редкозубым ртом. – Ты похмельный глюк? Или хочешь втравить меня в какое-нибудь мерзкое дело?

– Ни то и ни другое...

– Ну, тогда дай мне сто рублей!

Я дал. Увидев столь стремительное удовлетворение своих насущных потребностей, бездомный обнаглел:

– Еще сто рублей!

В ответ он увидел фигу:

– Не все сразу. Помогите мне и получишь еще двести.

– Ого! От мокрухи отказываюсь заранее. Я богобоязненный человек.

– Всего-то надо отнести письмо в «Большой дом».

– Ну, это запросто! Но учти, меня обязательно поймают, и я тебя сдам с потрохами.

– Ничего страшного.

– Что значит, ничего страшного? Как я получу свои пятьсот рублей?

Цены растут, как на дрожжах.

– Я говорил о двухстах.

– Это ты говорил. Меньше, чем за пятьсот, я на такие дела обычно не подписываюсь.

– Можно подумать, что тебе каждый день предлагают подобное.

– Вот я и говорю: не каждый день мне такое предлагают! Так стоит ли размениваться по мелочам? Ты, поди, куда больше на этом имеешь?

Я вздохнул и сделал шаг в сторону.

– Ладно, согласен на четыреста, но деньги вперед.

У меня в кармане кроме тысячных лежали только две сотенных и одна пятисотенная купюра. Ничего другого не было. Я протянул ему пятихатку:

– Хорошо! Давай сотню назад.

Он демонстративно поплевал на сотенную купюру и протянул ее мне:

– На! Подавись, куркулина!

Естественно, что я не стал ее брать. Вот ведь прохвост!

– Хрен с тобой! Вот эту бумажку отдашь в руки дежурному. Только смотри! – я активно погрозил ему пальцем. – За тобой будут следить мои люди.

– Угу, – буркнул в ответ бездомный. – Шчас, сделаем! Не беспокойся, начальник. Все будет в лучшем виде.

Он положил деньги в карман и с моей запиской в руке двинулся в сторону Литейного проспекта. Я подождал, пока он отойдет от меня метров на сто и пошел следом. Должен же я убедиться, что послание доставлено по назначению. Бездомный добрал до перекрестка с Литейным и свернул в супермаркет «SPAR». Вот скотина необъезженная! Никакой гражданской ответственности у бомжей!

Минут через десять его довольная рожа вывалилась из дверей магазина. Из карманов бездомного торчали банки крепленого пива. Записка в руках отсутствовала. Очевидно, что он ее просто выкинул.

– Ты что, гадюка, делаешь? Давай иди, куда я тебя послал!

– Нет, начальник. У меня бензин кончился. Пока не заправлюсь, дальше не поеду.

– Хочешь по морде получить?

– И что ты такой злой? Пойдем на скамеечку, я тебя пивком угощу. Я не жадный.

– Так ты пойдешь?

– Не-а! И не собираюсь!

– Верни тогда деньги!

– Чего? Какие у меня могут быть деньги? Я банкрот!

От досады я на него замахнулся кулаком. Бомж упал, свернулся калачиком на асфальте и громко завопил:

– Люди! Человека убивают! Он меня заставляет взорвать ФСБ! Спасите!

Немногочисленные прохожие стали останавливаться и смотреть на нас. Мне это было ни к чему. Пришлось ретироваться. Так, потратив 600 рублей, я понял, что в серьезном государственном деле с бомжами лучше не связываться. В итоге «Попытка намба ван» потерпела полное фиаско.

Глава третья

Попытка «намба ту»

Тридцатое мая 2018 года. Среда

До старта Чемпионата мира по футболу – 15 дней

«Отчаянье – удел всех слабых и безвольных. Но мне не привыкать об стену биться головой. Все перетрут: старание, упорство и мозоли. Попытка «номер два» – итог позиции такой».

Пивоваров В.В. Сборник собственных перлов.

Изд-во «Файерфлай». М., 1994. Т.1.С.183

Я вернулся домой. Мне было не совсем понятно, что делать дальше. Вернее, в голове у меня даже ветер не свистел. Там был полнейший вакуум. Побродив по квартире и изрядно помучившись, я лег спать. Утро не принесло облегчений. Умных мыслей в голове тоже не прибавилось. Ладно, будем импровизировать. Придется рисковать. А что делать? Придется! Я достал эту злосчастную «Нокию» из ридикюля и вставил симку. Хозяин телефона точно не был арабом. Все имена в «Контактах» были русскими. Немного поколебавшись, я выбрал номер с именем «Саня» и нажал на «вызов». Через пару гудков мне ответил густой мужской баритон:

– Вовка, ты что ли?

Меня зовут Владимиром, поэтому я протянул в ответ:

– Да-а-а.

– Уродец! Ты где пропадал три года? Тебя уже похоронили все...

Я отключил телефон, чтобы осмыслить сказанное. Но не успел. В прихожей запиликал мелодию «Кукарачи» дверной звонок. На пороге стоял Файер, или если коротко – Фай:

– Привет, босс! Не ждал?

– Как не ждал? Только этим и живу. Даже картину нарисовал «Ждун убивает работника «Почты» за медлительность». Откуда ты на мою голову?

– Случайно. Ищем девушку. Девушку Артема. Ты его не знаешь. Он в соседний подъезд к ее подруге пошел, а я к тебе.

– Просто так приперся?

– Нет, босс, не просто так. Ты же сам меня звал.

– Зачем?

– Как? Ты обещал отдать старые платы.

Ага! Сейчас, все брошу и побегу кладовку перерывать.

– Слушай, Фай, не до того мне.

Мимика Фая выражала крайнюю степень разочарования.

– Впрочем, черт с тобой.

И я повел его на склад «ненужного барахла», где вытащил из груды компьютерного железа пакет с деньгами и указал гостю на поле деятельности:

– Действуй – злодействуй!

Парень аж присвистнул от вида такого богатства:

– Откуда все это?

– Комплекс сквалыжничества – возрастная категория. Знаешь, что это такое?

– Не-а.

– Это когда даже одноразовую зажигалку выкинуть жалко. Огня не дает, но такая красивая!

Он только натужно улыбнулся в ответ:

– Вылечим.

– Жена обрадуется. Давно покушалась выкинуть. А мне все жалко. Там ведь только рабочие платы. Просто устаревшие. Тебе они зачем?

– Ай! Сдам на золото, платину и редкоземельные металлы.

– Врешь!

– Точно! Не вру. Аж во рту пересохло от такого богатства. Минералка есть?

– Пиво.

И мы направились на кухню.

По пути Фай тормознул, уставившись на гирию, стоящую у входной двери. Я в это время унес пакет с деньгами в спальню. Вернувшись, наткнулся на парня, зависшего возле гири. Он спросил:

– Ты что, тягаешь ее?

– Еще как. Одной левой пятьдесят раз жму.

– Ага. Так я и поверил, – он присел возле гири, и присвистнул: – Шестьдесят четыре килограмма!

– Вы с какой целью интересуетесь? Хотите весь металлолом из моей квартиры на базу вынести?

– Два года назад, когда я первый раз здесь появился, гирия стояла на этом же месте. Пылищи на ней – мама не горюй! Она явно и до меня здесь стояла нетронутой.

Тоже мне – Пинкертон! Естественно, стояла! Она здесь стоит со дня нашего переезда на эту квартиру. То есть: уже почти четырнадцать лет. Варя принципиально с нее пыль не стирает. И я не подхожу к ней. Тоже из принципа. Гирия – это символ неистребимого упрямства и самолюбия в наших с Варей отношениях. Пример самого длительного противостояния двух баранов на узком мостике семейной жизни. Жена требует, чтобы я эту гирию выкинул. Она, якобы, мешает ей жить! Но и я не подкаблучник какой-нибудь! Мужик сказал, что она ему нужна – значит нужна! Первый год мы жили с неработающим лифтом. Кто вселялся в новый дом, знает почему. Чтобы новоселы своим дурацким скарбом и мебелью не поцарапали его стены. Я эту гирию самолично на одиннадцатый этаж по лестнице припер. Поэтому временно и охладил к выжимному спорту. Но, возможно, что года через два, скорее всего, может быть, если что – я начал бы ее тягать, для укрепления пошатнувшегося здоровья. Поэтому до поры до времени гирия спакониненько стояла в спальне и ждала, когда я вспомню о ней. Но супругу она невероятно нервировала. Может потому, то она стояла посреди комнаты? А где ей еще стоять? Не в углу же? В углу я о ней вообще бы никогда не вспомнил. Варя гундела первые два года: «Убери гирию, убери гирию». В конце концов, назло мне, она сама ее перекатила из спальни к входной двери. Тогда моя «скво» была еще молодой и здоровой. Гири катала легко. И с тех пор жена к ней принципиально не подходит. Но раз Варя уперлась на своем, то и я к гире не подхожу. И надрывать не собираюсь, таща эту гадость на свалку. Позвоночник у меня не резиновый! Да и спина в последние годы болит. А почему? Потому что мне не дали тренировать ее с помощью моей любимой гири! Угробили мое здоровье, на корню отбили тягу к совершенству.

В это время зазвонил телефон. Я завертелся, не понимая откуда звонок. Фай указал пальцем на стоящую рядом с кухонным диваном клетчатую сумку, в которую я после телефонного разговора бросил «Нокию». Наверное, «Саня» перезванивает. Что ему сказать, я не знал. Нежданный приход Фая не дал мне время на осмысление информации.

Неожиданно в трубке раздалось:

– Аллах акбар!

Честно сказать я несколько растерялся и ответил невпопад:

– Акбар аллах!

У Файера вытянулась физиономия при этих моих словах. В трубке помолчали и затем спросили что-то на непонятном мне языке. Тут только до меня дошло, кто мне звонит. Не зная, что сказать, я громко произнес:

– Не звони мне больше! Убью!

После этого я отключил телефон и вынул симку.

– Что это было? – удивлению Фая не было предела.

Я, молча, вздохнул и прикинул в уме: стоит ли мне посвящать его в свои такие непростые дела.

Фай был младше меня на целую жизнь. Ему едва перевалило за двадцать. То есть – мы с ним люди совершенно разных поколений. До того разных, что если бы меня кто-нибудь спросил: «Третьим будешь?» – я бы понял: приглашают выпить. А вот мой молодой друг, как и все его поколение, скорее всего, подумал бы совершенно о другом. Когда я его зову «остограмитесь» – он слышит, что я его зову «инстаграмитесь». И так во всем. Но что делать? Селяви: все течет, все меняется. Такова жизнь. Тем не менее, у нас много общего. Хоть и живем мы с ним в разных временных измерениях, но зато на одной волне восприятия действительности. Если точнее, то мы оба не приемлем лжи. Если кому-то интересно, то я вкратце расскажу, как мы познакомились. Дело было 5 лет назад. Однажды я включил телевизор, как раз на том моменте, когда радостно-восхищенная физиономия Андрюши Малахова воскликнула: «А знаете, из-за чего умер Сергей Павлович Королев?» И далее он поведал душеспитательную историю, как следователь НКВД ударил отца отечественного ракетостроения по голове графином с водой. Вернее, по челюсти. Я, конечно, понимаю, что у нас на Руси традиции принято соблюдать. А традиция обливать грязью прошлое – одна из основных. Формула проста: чтобы обелить современность – надо очернить прошлое. Поэтому: как на заре Советской власти все были жертвами царского режима, так и сейчас невозможно найти того, кто не пострадал от советской власти. У меня у соседа дед шесть раз был расстрелян на Колыме и дважды в Воркуте. Я, конечно, понимаю, что некоторые врут за деньги. И это нормальное состояние современного человека. Я одного не понимаю: как можно так непрофессионально врать?! Или это скрытые враги нынешней власти готовят почву для будущих обвинений современного режима во всех грехах? Но, ребята! Всегда надо стараться быть профессионалом. Надо врать так, чтобы ваши макароны не липли к нашим ушам и не раздражали своей мокротой и неготовностью. Я с детства страшная зануда. Все и всегда подвергаю сомнению. Аж самому бывает противно. Вот и в данном случае, мне было непонятно – каким способом данная информация дожила до нашего времени? Посудите сами, не следователи же записали этот эпизод в протокол. Мол, подследственный не соглашался с доводами, пришлось его уговаривать графином по голове. Если кто не в курсе, при Сталине тоже существовали законы. И бить по голове кувшином было делом наказуемым. Уголовно наказуемым. Поэтому подобные эпизоды невозможно найти ни в одном уголовном деле того времени. Я, кстати, еще до того пытался отыскать какие-нибудь мемуары Королева. Касалось это совершенно другой темы. Тогда выяснилось, что он не оставил после себя ни одной строчки воспоминаний о своей жизни. Но может, он кому-нибудь рассказывал об этом эпизоде с графином? Другьям. Или близким. После долгих поисков я выяснил, что никто, абсолютно никто, никогда не слышал об этой истории: ни жена, ни друзья, ни соратники по работе. Но на сайте «Википедия» в статье о Королеве без обиняков утверждалось, что удар по голове был. Поэтому я зарегистрировался в качестве редактора статьи и предложил ее авторам обнародовать ссылку на происхождение информации. Через три дня моему удивлению не было предела. Все мои законные требования были аккуратно из статьи удалены. Именно после этого началась двухлетняя борьба за установление истины по данной проблеме. Я размещал требование о ссылке – меня вымарывали другие редакторы. В конце концов, меня

забанили на этом сайте с убийственными комментариями: «не специалист», «дилетант», «сталинист». Да мне плевать на сталинистов, монархистов, путинистов, анархистов и сатанистов. Врать-то зачем? Я уже опустил руки, считая оборону авторов статьи неприступной, но оказалось, что за моей борьбой по установлению истины следят многие. Наиболее активным моим апологетом как раз и был «Фай», или, как он себя называл в сети – «Firefly». Он быстро сделал то, что я пытался сделать на страницах «Вики» годами. Каким-то образом, узнав адрес автора статьи, Фай приперся к нему домой под видом журналиста и записал на диктофон все аргументы оногo «специалиста, не дилетанта и не сталиниста». Главным аргументом автора оказалась следующая фраза: «Да, до нашего времени не дожили многие документы той эпохи. В том числе и те, что касаются этого столь трагического эпизода из жизни Сергея Павловича. Но кто, кроме сталинских палачей мог сломать челюсть великого ученого?» Как будто Королев сразу родился маститым ученым, а не мальчишкой, пацаном, подростком. Его детство прошло в условиях Гражданской войны и последующей разрухи. В таких условиях разве нельзя было сломать челюсть о чей-нибудь кастет? Смешно? Не очень. Разве это не фейк? Тогда что это? И откуда взялся графин? Почему не пресс-папье? Они тоже были весьма тяжелыми и повсеместными во времена, когда все протоколы писались чернильными ручками. Думаю, что автор фейка долго ломал голову, выбирая предмет для челюсти ученого. И пресс-папье не годился для этой цели по одной простой причине. Нынешнее поколение плохо представляет, что это такое. А графин – вещь известная всем. И главное, что такая детализация подробностей создает эффект истины. Если врать, так красочно, с выдумкой. Фай развел бурную деятельность, опубликовав свою беседу с автором. В результате ссылка на Википедии все же появилась. Оказывается, что сведения о графине автор не сам выдумал, а почерпнул в книге ныне уже умершего журналиста Ярослава Голованова. Для думающего читателя все встало на свои места. Прочитав источник информации можно понять автора статьи, столь стоически не желающего обновить ссылку. Ведь сам Я. Голованов прямо пишет, что он это выдумал: «... доказать, что Николай Михайлович Шестаков (следователь) сломал челюсти Сергею Павловичу Королеву, я не могу. К сожалению, никто этого уже не сможет доказать. Даже доказать, что ударил, – нельзя. Что просто толкнул. Вновь повторю: я ничего не могу доказать, нет в природе этих доказательств. Я могу лишь попытаться увидеть. Никаких других свидетельств, подтверждающих то, что на допросах Королеву сломали челюсть, нет». Опять пресловутое «он так видит» выступает в информационном поле в качестве доказательства. Прискорбно.

Но бог с ними с писаками, фантазерами и фейкометами. Я считаю, что не зря боролся за истину. В частности, я обрел новых друзей. Таких как «Светлячок» Фай. Мы с ним еще неоднократно сражались за истину на других страницах «Википедии». Но это совершенно другая история.

Мог ли я довериться Фаю в данном случае? Несомненно, мог. Я в него верил, как в себя. Мы с ним дышим одним воздухом. Воздухом справедливости. Единственное, что меня удерживало – это риск. Могу ли я подвергать риску своих близких и друзей? Но, с другой стороны – если я в одиночку не сумею остановить намерения экстремистов, то вдруг кто-нибудь из моих знакомых окажется, как теперь говорят, «не в то время и не в том месте»? Нет, мне однозначно нужен помощник! И я все рассказал Фаю. Почти все. Не сказал только про деньги, убедив себя в том, что, возможно, их придется отдать государству. Поэтому раньше времени «покупать» помощь как-то не этично. Да и вообще, после того, как я услышал «Саню» и «Аллах Акбара» по телефону, проблема денег для меня перестала существовать. Я морально готов был немедленно расстаться с этими кровавыми бумажками. Другое дело – как обезопасить себя и своих близких от мести владельцев саквояжа? Лучшей мерой безопасности я считал анонимность. Публичное же расследование никаким образом не сможет гарантировать для Варвары спокойную жизнь. Жизненный опыт подсказывал мне, что «свидетель» в наше время – очень опасная «профессия». Смертность в ней гораздо выше, чем у военных или журналистов в «горя-

чих точках». Поэтому передавать деньги спецслужбам, высвечивая себя в качестве участника событий, я считал действием преждевременным и небезопасным.

Фай выслушал меня молча. Только пнул саквояж, выдавив из себя:

– Сволочи! Прямо представляю, как они мучают этого твоего тезку, перед тем как убить и забрать эту «Нокию».

Опять зазвонил телефон. На этот раз мой смартфон. Довольная Варя долго рассказывала мне о счастливом общении с внуками. Только я отключил его, как тут же «запел» мелодию «половецких плясок» «яблочный» гаджет у Фая. Не успел он отключиться, как вновь кто-то набрал номер моего телефона:

– Соседская телка опять привела к нам своих подруг. Что делать?

– Что делать, что делать? Вы хотите, чтобы я непременно в этом поучаствовал? Без меня никак? Как малые дети, ей богу. С приبلудными телками даже справиться не можете. Натравите на них Дина.

Дин – это овчарка. У наших с Варей друзей в восьмидесяти километрах от Питера огромный участок земли, который они с нашей помощью осваивают уже четвертый год. Дело пока не развилось до полного «воплощения всех мечт», так как не хватает сил и средств. Но базу для дальнейшего развития мы уже построили. Поставили дом, баню, мастерскую, овощехранилище, теплицы. В двух километрах от нашей фазенды живет горе-фермер Миша. Десять лет назад он набрал огромное количество разных, в том числе экзотических животных – страусов, лам, яков – и пытался устроить загородный зоопарк. Поначалу туда ездили туристы. Но уже через пару лет все пришло в запустение. Деньги у него кончились, рабочие разбежались, а животные в поисках пропитания стали партизанить по всей округе. Что у этого Миши было в голове, никто не знает. Но он не захотел отдавать многочисленных быков, коз, овец и прочих животных на мясо, чтобы получить при этом хоть какую-то выгоду. И ферма постепенно превратилась в «концлагерь» для животных. Наступила холодная зима. Голодные животные, стоя по колено в навозной жиже нечищенных ферм, стали умирать пачками. поголовье резко сократилось. Исчезли ламы, пони, ослик, страусы. Только парочка верблюдов, кони, козы и коровы стойчески обгладывали кору и ветки во всех окружающих насаждениях. Прибегали они и к нам. Однажды в мае пришла корова с огромным, распертым во все стороны, выменем. Мы ее пожалели, привязали к забору и попытались раздоить. Но какое там! Для этого навыки нужны. Трудно неспециалисту раздоить ни разу в жизни не доенную корову. Жалостливая Варя накормила ее булочкой и листьями салата. На следующий день эта корова радостно прискакала к нам и тут же встала в то самое место, где мы пытались ее подоить. С собой она привела все стадо. Вот так! А вы говорите, что животные не умеют разговаривать друг с другом. С тех пор наше стовье коров стало для нас проблемой. Они выгапывали огород, обгладывали ягодные кусты и фруктовые деревья, ломали забор. Наши отношения с горе-фермером Мишей перетекли в состояние необъявленной войны.

Только я выключил телефон, как он зазвонил вновь. В трубке раздался голос Фая:

– Или мы вырубим проклятые гаджеты, или будем общаться по телефону.

Я принял первую часть его предложения. Мне в настоящее время было не до коров. Мы отключили телефоны и сели за стол.

Фай сразу сказал, что готов во всем мне помогать и тут же стал перебирать способы, чтобы вывести фээсбэшников на владельцев саквояжа. Естественно, что мы отмели любые контакты, связанные с телефонами и интернетом. Несомненно, что в современном мире не только родные спецслужбы имели технические средства, чтобы определить место нашего нахождения. Такими возможностями обладали также различные провайдеры, владельцы мессенджеров, хакеры, сотовые компании и многие другие. Мы долго ломали голову над тем, как нам «правильно» поступить. Приемлемых идей не было.

В это время разразился мелодией городской телефон, про который я всегда вспоминал только тогда, когда он сам изредка напоминал о себе, причем, всегда в самый неподходящий момент. В основном меня по этому телефону беспокоили надоедливые распространители бесполезной рекламы и тупых соцопросов. Я всегда после этого собирался избавиться от ненужного доисторического раритета, но тут же забывал о намерениях до следующего «нежданного» звонка. Меня взорвало! Ну, невозможно в современном мире сосредоточиться на серьезном вопросе! Замучают звонками. Я принципиально не хожу в поликлинику, так как наша пожилая участковая врачиха, непрерывно отвечающая на звонки, постоянно забывает в промежутках разговоров по телефону, кто я, что у меня болит и почему я приперся именно к ней.

– Фай! Тебя!

Я сунул трубку проводного телефона прямо в физиономию напарника.

– Блин! Это я ему твой номер дал. Надо отдать ключи от машины Артему!

И он убежал.

От нечего делать, пришлось включить телевизор. Щелк! Вечно я натываюсь исключительно на рекламу и промо-ролики передач. Щелк: «Да, ладно! Ничего себе?! Беру!!!» – вопил упитанный «мальчик» в магазине известной сети. Щелк! Противный гнусавый голос гундосил: «Смотрите сегодня вечером на нашем канале!!! Все, что скрывали от нас о великой балерине. Испытание правдой на детекторе лжи пройдет личный гигиенист Анастасии Волочковой!» Щелк! Телемагазин «На диване»: «Купите две электрических ухочистки и третью вы получите совершенно бесплатно! Количество товара ограничено!» Щелк! Ну хоть что-то – «Новости»! Репортаж из Сирии: «На освобожденной территории наши саперы обнаружили цех по переделке дронов...»

Стоять! Меня осенило! Я набрал номер Фая:

– Ты уехал?

– Сейчас вернусь.

– Я прав или нет? Ты как-то рассказывал, что ездил в Москву на фестиваль коптеров.

– Да, в марте был. погоди. Я все понял! Сейчас до Ксюхи смотаюсь. Это она у меня энтузиаст БПЛА. Сеструха моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.